

Для Цичжи это была первая поездка в столицу. Опыта в таких делах у него было даже меньше, чем у дяди Ли Сы, зато они с женой были молоды, так что могли и вещи дотащить, и еды в дорогу купить. Ли Сы ехал, полагаясь на зазубренный наизусть маршрут, а Цичжи в случае чего всегда мог расспросить дорогу у прохожих. Так что Гоудань за них особо не переживал.

Цичжи учился в провинциальном педагогическом институте и какую-никакую цивилизацию повидал. Да и их уездный городок в последнее время заметно развивался, хотя размах там, конечно, оставался скромным. Но теперь, когда за окном поезда мелькала станция за станцией, сменялись лица и звучали самые разные, непривычные слуху разговоры, до путешественников наконец дошло: они уехали по-настоящему далеко. А уж когда состав прибыл на столичный вокзал, от вида колышущегося человеческого моря у всех четверых перехватило дыхание.

Время прибытия поезда никто точно назвать не мог, а Ван Сюань и Гоудань не могли весь день дежурить на перроне — работа не ждёт. Поэтому они попросили мастера Гао встретить родню. Тот приехал к выходу с вокзала заранее и прождал их с девяти утра, когда поезд должен был прийти по расписанию, до трёх часов дня. Впрочем, по вокзальным меркам это считалось едва ли не везением — главное, что не заночевали в пути.

Цичжи знал, что Гоудань пришлёт кого-нибудь встретить их, поэтому, пробираясь сквозь толпу на выход, они во все глаза высматривали встречающих. Лица вокруг были чужие, оставалось надеяться только на табличку.

Отец Гоуданя читать не умел. Но сыновья частенько писали ему письма, и хоть читать приходилось просить других, собственное имя на конвертах он видел так часто, что невольно запомнил, как выглядят эти иероглифы — «Ли Сы». Заметив в толпе крепкого мужчину, который размахивал картонкой с четырьмя крупными знаками, Лао Сы разглядел среди них знакомые черты и тут же дернул Цичжи за рукав.

У Цичжи от пестроты и шума перед глазами всё плыло, к тому же навалилась дикая усталость. Если бы не зоркость дяди, они бы точно разминулись.

— Там и правда наши имена, — подтвердил Цичжи. — Должно быть, за нами.

Он потянул за собой жену. Госпожа Яо мертвой хваткой вцепилась в рукав мужа — в такой толчее потеряешься, вовек не найдут. Ли Сы всю дорогу шёл, накренившись на один бок из-за её отчаянной хватки.

— Вы от директора Ли? — шагнул к ним мастер Гао. — Господин Ли Сы и господин Ли Цичжи?

— Да-да, это мы! — отозвался Цичжи, вытирая со лба испарину. — А где Гоудань?

Ему не терпелось поскорее добраться до места, смыть дорожную пыль и просто лечь.

Мастер Гао вежливо пропустил мимо ушей деревенское прозвище босса.

— Прошу за мной, — ответил он, забирая у них самые тяжелые сумки.

Машина доставила их напрямик к вилле, где жил Гоудань. Ли Сы здесь уже бывал, а вот остальные трое онемели от удивления. Ли Сы сразу повел госпожу Яо на первый этаж, в комнату, где останавливался в прошлый раз, чтобы разложить вещи.

Цичжи с женой ещё в машине растерялись, а уж когда увидели дом... Охрана на въезде, ухоженная территория — всё вокруг дышало роскошью. Молодой учитель даже слов нужных подобрать не мог, просто робел шаг ступить, боясь наследить на чистом полу.

Дом оказался невероятно красивым: просторный двухэтажный коттедж с мансардой, аккуратный зеленый дворик с цветущими клумбами. Пока они ехали по территории комплекса, Цичжи заметил в отдалении чистейшую лазурную воду бассейна.

Он знал, что названный брат поднялся, но чтобы настолько преуспеть в самой столице... На то он и Гоудань!

Сам Цичжи работал учителем в уезде, получал стабильное жалованье, они с женой жили в скромной служебной однокомнатной квартире, выделенной школой. В родной деревне его считали невероятно успешным человеком. Но деревенские и представить не могли, чего на самом деле добились Гоудань и Ван Сюань. Вот это был настоящий успех.

— Твои братья правда живут здесь? — тихо спросила жена Цичжи, подергав мужа за рукав. — Боже, ну и богатство... Точно как в кино показывают.

Мастер Гао занес вещи и показал, где что находится:

— Располагайтесь. В комнате почтенного Ли есть своя ванная, а вы двое можете воспользоваться общей, на этаже. Горячая вода идет без перебоев круглые сутки. Господин Ван, скорее всего, вернется раньше директора Ли. Пока вы приведете себя в порядок, он уже будет дома. В холодильнике есть еда, можете перекусить. А я поеду в офис, подожду, пока освободится директор, и привезу его.

Объяснив всё, мастер Гао откланялся.

— Цичжи, иди сюда, я покажу, как тут воду включать, — позвал Ли Сы племянника. — Твоя жена с лица спала от усталости. Помойтесь поскорее да поешьте чего-нибудь.

Цичжи согласно кивнул.

Госпожа Яо выглядела ещё хуже — бледная как полотно. Сказались и непривычная долгая дорога на поезде, и возраст, но больше всего её, кажется, подкосило осознание того, насколько богат сын её нового мужа. Разница в их положении казалась пропастью, отчего бедная женщина совсем пала духом.

После душа все почувствовали себя гораздо свежее. Собравшись за большим круглым столом, они принялись за еду, которую Ли Сы достал из холодильника. Готовить горячее никто не решился: Ли Сы понятия не имел, как управляться с современной плитой на кухне, а Цичжи с женой тоже побоялись трогать незнакомую технику. В итоге они обошлись пирожными, фруктами и холодными закусками.

Утолив голод, утомленные дорогой гости разошлись по комнатам. Госпожа Яо немного пришла в себя, но на душе у неё по-прежнему было беспокойно. С таким достатком Ли Сы мог бы без труда взять в жены хоть восемнадцатилетнюю красавицу, а не простую вдову в летах.

"И ведь в деревне все в один голос твердили, какая я счастливица, — уныло думала она. — Мол, повезло дуре, отстрадала своё, не иначе как в прошлой жизни добрых дел наделала..."

Ей и самой эта новая жизнь казалась зыбким сном. Хотя они с Ли Сы уже жили вместе как муж и жена, её не покидал подспудный страх: вдруг в один прекрасный день её просто выставят за дверь? Поэтому она из кожи вон лезла, стараясь угодить мужу. Тот платил ей добром — никогда не повышал голоса и уж тем более не распускал руки. Раньше госпожа Яо и подумать не могла, что бывают непьющие и не дерущиеся мужики, а теперь вот убедилась сама.

Но от этой благодати тревога только росла: слишком всё хорошо, слишком сказочно, а значит, может оборваться в любой миг. Превозмогая усталость, она принялась разбирать дорожные сумки и застирывать испачканную в пути одежду Ли Сы. Сам он был человеком неприхотливым, простым и молчаливым, заботиться о женщине особо не умел, но характер имел покладистый.

В соседней комнате тоже шел негромкий разговор.

— Ох, на такой дом нам и за всю жизнь не заработать, — вздохнула жена Цичжи, присаживаясь на край постели. — А матрас какой мягкий... Боюсь, на такой роскоши я и уснуть-то не смогу.

— С каких это пор на мягком плохо спится? — усмехнулся Цичжи. — Привыкла к нашим жестким доскам?

— А вот и привыкла! Не зря говорят: в гостях хорошо, а дома лучше. Мне наша деревянная кровать как-то роднее.

— А я уж испугался, что ты начнешь пилить меня за непутевость. Мол, не могу жене нормальную постель справить.

— Глупости какие! — жена шутливо толкнула его в плечо. — Все люди разные, зачем ровняться на других? Если уж на то пошло, большинству до нас далеко. Мы ведь уважаемые люди, при чистой работе и стабильном жалованье. По одежке протягивай ножки. Твоя судьба — детей учить, и в этом нет ничего постыдного.

Цичжи грустно улыбнулся и после недолгого молчания признался:

— Всё я понимаю, ты права. Просто когда разница так бьет по глазам, волей-неволей взгрустнется.

— Мне тоже, — тихо отозвалась жена.

Они переглянулись и дружно рассмеялись, сбрасывая наваждение.

— Ну ладно, давай ложиться. Раз уж выдалась возможность поспать на такой перине, надо пользоваться моментом. Вернемся домой — лафа закончится!

Ван Сюань помнил, что сегодня приезжают деревенские родственники. Как только рабочий день подошел к концу, он попрощался с коллегами и сразу уехал. В больнице к этому относились с пониманием. Сюань, несмотря на молодость, уже стал незаменимым специалистом, так что руководство и коллеги старались поддерживать с ним самые теплые отношения.

По дороге он заехал в крупный супермаркет в торговом центре «Голубое небо», набрал свежего мяса, рыбы и овощей, и только после этого покатил к дому.

Внутри царил тишина. Если бы не разномастная обувь у порога, можно было подумать, что на вилле никого нет. Ван Сюань отнес тяжелые пакеты на кухню, вернулся в прихожую и аккуратно, по линейке выстроил чужие ботинки. Сметя принесенную с улицы грязь, он вымыл руки и принялся за готовку, намереваясь устроить гостям праздничный ужин.

Вскоре на кухне застучал нож, зашипело масло на сковороде, а по первому этажу поплыли дразнящие ароматы домашней еды.

В разгар этого кулинарного таинства вернулся Ли Кай. Едва переступив порог и увидев идеально выстроенную шеренгу обуви, он невольно улыбнулся. Чистоплюйство Ван Сюаня граничило с одержимостью: тот органически не переносил малейшего беспорядка, все вещи у него должны были лежать строго на своих местах, под выверенным углом.

Разувшись, Ли Кай переобулся в домашние тапочки и прошел вглубь дома.

— Чем помочь? — спросил он, заглядывая на кухню, где всюду суетился Ван Сюань.

— Пришел наконец? — Сюань кивнул на гору невымытых овощей на столешнице. — Давай, принимайся за чистку и нарезку, а то я один до ночи провожусь.

— Слушаюсь и повинуюсь.

Ли Кай поднялся на второй этаж, забросил деловой портфель в комнату, стащил парадный пиджак и ослабил галстук. Спустившись обратно в одной рубашке с засученными рукавами, он резво включился в работу.

Работа спорилась. Вскоре аппетитные запахи и стук посуды разбудили спавших гостей.

Ван Сюань выглянул из кухни в гостиную:

— О, Цичжи, проснулся? Тяжелая выдалась дорога?

— Ох... — Цичжи сладко зевнул. — И не говори. Поезд — это то еще испытание. Ого, сколько еды набрали!

Ли Кай, заметив заспанный вид брата, без лишних слов утащил его на кухню:

— Раз уж пришел, почисти-ка чеснок.

Цичжи послушно взялся за нож. Жена его и госпожа Яо тоже хотели помочь, но Ван Сюань мягко их остановил:

— Тетушки, не стоит, на кухне и так развернуться негде. Идите лучше в гостиную, телек посмотрите. Дядя! Дядя Ли, ты проснулся? Включи гостям телевизор!

— Сейчас сделаем! — отозвался из комнаты Ли Сы. — Тут телевизор — загляденье. Не то что наш домашний: экран огромный, цвета яркие, ловит всё сам, и не надо каждый раз на крышу лазить антенну крутить.

Ли Сы усадил притихших женщин перед огромным экраном. Те, впрочем, чувствовали себя не в своей тарелке: сидеть сложа руки, пока мужчины суетятся у плиты, для деревенских хозяек было делом неслыханным. Они то и дело порывались встать, чувствуя себя обузой.

Сам Ли Сы к такому порядку давно привык. Дома, когда сыновья приезжали навестить, он по

утрам мог разве что кашу сварить, а вот к серьезной готовке его не подпускали. Готовил он, прямо сказать, паршиво, поэтому парни предпочитали брать поварешку в свои руки — так и вкуснее, и сытнее.

Ли Кай украдкой глянул в гостиную, убедился, что старшие увлечены передачей, и легонько толкнул Цичжи локтем в бок:

— Ну выкладывай, чего это вы вдруг сорвались в столицу? Что стряслось?

Цичжи замялся, на его лице отразилось искреннее страдание:

— Да... матушка моя с тещей нас с ума чуть не свели. Жить житья не стало.

— Погоди, — нахмурился Кай. — То, что тетушка пилит твою жену из-за внуков, — дело житейское. Но теща-то твоя с какого боку к этому причастна?

Цичжи тяжело вздохнул:

— Моя мать заставляла жену пить какие-то отвары травяные да пепел от амулетов глотать. Теща про это прознала, возмутилась и в ответ начала меня поить такой же дрянью. Заладила: «У нас равенство полов!». Раз ребенка нет, значит, виноваты оба, и лечиться должны оба.

Кай аж челюсть уронил от такого поворота:

— Ничего себе... На вашей свадьбе теща твоя казалась вполне приличной и кроткой женщиной.

— Эх, брат, ты просто не знаешь, какими страшными становятся матери, когда дело касается их дочерей! — покачал головой Цичжи. — Она решила, что моя матушка изводит её кровиночку, ну и устроила мне «симметричный ответ». Мол, раз у нас в стране равенство полов, то и лечиться будем на равных. Да еще намекнула, что корень проблемы может быть во мне.

— М-да, дела... — пробормотал Кай.

— Вот и я о том же! Я им сто раз говорил: не гоните лошадей, всему свое время, будут вам внуки. Куда там! Стоило двум старухам зацепиться — и пиши пропало.

— Изначально-то мама не особо наседала, — уныло продолжал Цичжи, ковыряя чесночную шелуху. — Но потом какая-то сплетница шепнула ей на ухо, будто невестка из соседней деревни понесла сразу после того, как попила травки у заезжего лекаря. Мама ухватилась за эту соломинку: «А вдруг поможет?». Втайне раздобыла это зелье и притащила моей жене. Мы

сначала думали схитрить: взять эти свертки, сделать вид, что послушно пьем, а самим вылить всё в помойку, как только она за порог выйдет. Не ссориться же с ней, в самом деле? Но не тут-то было...

При воспоминании об этих домашних баталиях Цичжи так сокрушенно покачал головой, что сразу стало ясно — бедолаге пришлось пережить не один круг семейного ада.

<http://bllate.org/book/19654/1996856>